

Николь Рейш

*Он спешил, как мог, но нельзя опередить
время.*

Моё
НЕБЕСНОЕ
Счастье

Серия "Помни". Книга 2,5

2015

После долгой и серьезной болезни Эмили умирает и попадает в Эдем. Но на пути к нему на ее долю выпадают серьезные испытания. Лишь мысль о том, что в Раю они с Кайлом наконец-то смогут быть вместе, дает ей силы двигаться дальше и проходить через все преграды. Пока Ангел осваивает свою человеческую жизнь, а затем проживает ее снова лежа на больничной койке, Эмили находится в Эдеме и ждет, когда он вернется домой.

Н и к о л ь Р е й ш

Серия «Молнии»

Книга 2,5:

Моё небесное счастье

Аннотация

После долгой и серьезной болезни Эмили умирает и попадает в Эдем. Но на пути к нему на ее долю выпадают серьезные испытания. Лишь мысль о том, что в Раю они с Кайлом наконец-то смогут быть вместе, дает ей силы двигаться дальше и проходить через все преграды.

Пока Ангел осваивает свою человеческую жизнь, а затем проживает ее снова лежа на больничной койке, Эмили находится в Эдеме и ждет, когда он вернется домой.

Мое небесное счастье

В этом городе нет тебя,
Этот город как будто простужен,
Лишь немая слепая тоска
Знает, как ты мне сильно нужен.

Я по улицам этим брожу,
С отрешенным невидящим взглядом,
В своих мыслях тебя нахожу,

Ты во мне, и другого не надо.

Угасает короткий день,
Он был прожит мной без тебя,
В этом городе твоя тень,
Исходящая от меня.

Татьяна Яцишина

Глава 1

За окном сгущаются сумерки, подобно темным чернилам небо затягивается такими же темными тучами. Уже пару месяцев я не вижу ничего кроме этих четырех стен и скудного куска неба, мелькающего в небольшом окне. Да мне уже ничего и не надо.

Как обыденно всемирно распространенное мнение о том, что время лечит. Мы уповаем на его лечебное действие, стискиваем зубы до боли и идем вперед. Кто-то из нас заматывает свое разбитое сердце изолентой и окунается по самую макушку в мир клубов, тусовок, алкоголя и чего покрепче. Другие уходят с головой в работу, завоеывая все мыслимые и немыслимые карьерные ступеньки. Третьи встречают мужчину, который подходит под общепринятые критерии идеального мужа, и вдруг их осеняет: *А почему бы и нет?* И надеясь на «стерпится, слюбится» создают с ним семью, изо дня в день, внушая себе мысль: *Он ведь ничем не хуже.*

Поверьте мне, он хуже. И до тех пор, пока на троне вашего разбитого сердца сидит мужчина, который уничтожил вас до основания, но по какой-то идиотской причине вы не можете его разлюбить, другой мужчина не станет лучше, каким-бы идеальным он не был.

Он всегда будет мистером «*НЕ ТАК*»:

Не так смеется или улыбается.

Не так обнимает и целует.

С ним *не так* приятно засыпать в обнимку, утыкаясь носом в теплую щеку.

Не так смотрит.

Не так говорит.

Он *не так* любит.

На прикроватном столике горит тускловатая лампа, освещаая кусок моей кровати ровно на столько, чтобы я могла читать. Из старого блокнота с выписанными мною стихами того и гляди выпадут страницы, они и так держаться на честном слове, а от частого перелистывания стали еще более ветхими, чем были до этого.

— Папа сказал, ты хотела меня видеть, — ласково произнесла дочь, заглядывая во мрак моей комнаты. — Что-то случилось?

Моя дочь, Эдисон уже полгода живет в нашем доме. Чуть больше месяца назад она развелась со своим мужем, оставив ему все совместно нажитое имущество в обмен на единоличную опеку над ребенком. Ее супруг даже не сделал вид, что раздумывает над ее предложением, бесстыдник сразу же подписал все бумаги. Эдисон не горевала. Моя сильная девочка. Я так ей горжусь.

— Нет, милая. — При виде моей улыбки, ее лицо просветлело от облегчения.

Тихонечковпорхнув в комнату, дочь уселась в кресло около моей кровати и поджала

под себя ноги, устраиваясь поудобнее.

— Мне просто хотелось поболтать с тобой.

Когда Эдисон была маленькой, она часто приходила на кухню и тихонечко сидела, наблюдая за тем, как я готовлю ужин. Мне нравилась эта небольшая традиция, она создавала уют в нашем доме.

— Он так и не появился, да? — С тягучей печалью в глазах спросила дочка, сжимая мою холодную ладонь. Я отрицательно покачала головой, не в силах подтвердить вслух, то, что Кайл ко мне не приходит.

Совсем недавно, когда мне стало совсем худо и боль невозможно было стерпеть, я отвлекла себя тем, что рассказала дочери историю своей любви. Она не сразу мне поверила. Ей, наверное, показалось, что я несу предсмертный бред, но когда я попросила ее принести мне старую шкатулку из комнаты для шитья, в которой я хранила фотографии из квартиры Кайла, Эдисон потеряла дар речи. Она своими глазами видела Кайла, стоящего в тени деревьев. Такого же молодого, как и на фотографиях в ее руках.

— *Вы такие красивые...* — шептала Эдисон, водя пальцами по цветной фотографии.

Я вспоминала чувства, которые испытывала рядом со своим ангелом и моя боль отступала. Единственное лекарство — воспоминания, давали мне силы держаться. Но вчера я узнала, что бороться мне больше не за что.

— О, родная моя, — я силилась улыбаться, чтобы сдержать подступившие к глазам слезы, но мои губы задрожали, стирая подобие улыбки с моего старого лица. — Он больше не придет.

Дочь подалась вперед, беря мои руки в свои. Они такие нежные и теплы, мои же холоднее льда и постоянно дрожат.

— Мамочка, не говори так. Он придет, вот увидишь. Главное дождись.

Ее большие глаза горели надеждой, которая во мне давным-давно угасла.

Я бы ждала его бесконечную вечность, лишь бы только была надежда на то, что он ко мне придет. Но этого не случится.

Где же тот счастливый конец, о котором так любят писать в книгах? Или я по какой-то причине его не достойна?

— Кайл не придет, — выдохнула я. — Я виделась с его братом, он сказал... Кайл теперь человек, Эдисон. Он пришел за мной, спустя столько лет... но от меня уже ничего не осталось.

— Как же так? — Ее большие глаза распахнулись подобно двум колодцам. Прежде я не видела дочь такой взволнованной. — Он теперь человек? Но почему так поздно, мама?

— Он спешил, как мог, но время нельзя опередить.

Эдисон плюхнулась на пол около кровати, прижимаясь губами к моим ладоням. Утешая мое безутешное горе. Я заплакала. Бесполезно скрывать слезы, которые рано или поздно вырвутся наружу.

Я не все ей рассказала. Да ей и не стоит всего знать. Вчера ночью в моей комнате появился Лий. Младший брат Кайла пришел не для того, чтобы сообщить мне об успехах своего брата. Он появился здесь для того, чтобы скачать мне то, о чем я и так догадывалась.

Говорят, человек чувствует приближение смерти. Так вот, это правда. Я чувствую, как костлявая дышит мне в спину, шепча по ночам: «*Мы скоро увидимся*».

— Эдисон, — позвала я. — Я знаю, что однажды он придет. — Я потянулась к прикроватному столику, вытащила из верхнего ящика пухлый небесно-голубой конверт и

протянула его дочери. — Меня может не быть здесь...

— Не быть здесь? — перебила меня дочка, округляя глаза. — А где же ты будешь, мама?

— Ты знаешь, милая. — Она побелела. — Отдай его Кайлу.

Нахмурившись, Эдисон уже собиралась возразить, но вдруг ее плечи поникли, глаза погасли, словно кто-то щелкнул выключатель, и она кротко кивнула, соглашаясь выполнить мою просьбу.

Июль 2009 года

Мне постоянно плохо. Я уже и забыла, когда в последний раз чувствовала себя самой собой: легкой, счастливой, беззаботной...

Эта авария отняла у меня не только родителей, она отняла меня у меня. Несмотря на то, что я выжила, внутри меня что-то сломалось, и я больше не могу быть прежней.

Родители Эстер забрали меня к себе. Мама заранее позаботилась обо мне, в случае если с ними что-то случится. Опекан надомной перешла в руки Миссис Брит.

Если, что-то случится...

Как быстро одно «если» стирается, превращаясь из события, которое возможно произойдет, а возможно нет, в то, что уже произошло и разрушило твою жизнь вплоть до основания.

Я не разговаривала больше месяца. Просто не мола заставить себя произнести хоть слово. Но даже это со временем перестало помогать, когда доктор снял меня с успокоительных таблеток. И я снова упала на дно колодца, из которого так отчаянно старалась выбраться.

Все что мне остается это ходить по клубам, пить алкоголь, растворяться в громкой музыке и чужих мужских руках. Это помогает мне продержаться, по крайней мере, до утра. И спасает от чувства опустошения, которое приходит ко мне вместе с заходом солнца.

— Еще один бокал, пожалуйста! — Наклонившись через барную стойку, я дернула Хью за рукав его черной футболки. Парень оторвался от разговора с новеньким барменом и недовольно на меня посмотрел.

Сегодня в баре как-то необычайно много народу, хотя обычно сюда заглядывают лишь завсегдатаи и парни и несколько девчонок из общежития через дорогу. Именно поэтому мы с Эстер и выбрали «Бар Талина», за его тихую обстановку и возможность напиться до отказа ног без лишних зрителей.

Эстер и Томас отмечают какую-то очередную совместную дату, чтобы не нарушить традицию. Так что сегодня я напиваюсь в одиночку.

— Эмс, — его и без того узкие глазки превратились в две черные полоски, обрамленные густыми ресницами. — Мне кажется, тебе уже хватит.

— Вот именно, — лукаво промурлыкала я, пробегая пальцами по его руке, от запястья до локтя и обратно. — Ключевое слово здесь «кажется». Так что будь зайкой, наполни мой бокал.

Хью недовольно покачал головой, нырнул под стойку и через мгновение снова появился напротив меня, сжимая в руках бутылку текилы.

— Я думаю, что сегодня вы выпили достаточно алкоголя. — Позади меня послышался приятный, бархатный и очень настойчивый голос. Хью удивленно посмотрел на меня, а потом на того, кто стоит за моей спиной.

— Хью, не случай всяких выскочек, — я смерила друга недовольным взглядом,

мысленно посылая незнакомого выскочку куда подальше, чтобы тот не лез, куда его не просят. — Рука, бутылка, стакан. Понял мою установку? — Парень понимающе кивнул. — Тогда действуй.

— Кажется, я довольно понятно выразился. — Голос незнакомца холодным ножом разрезал воздух. — С нее хватит.

— Да кто ты такой? — Взорвалась я, оборачиваясь лицом к нахалу, возмнившему себя пупом земли. Он стоял в шаге от меня, спрятав руки в передние карманы темных джинс, нежно-голубая рубашка, плотно облегалась его тело, показывая, что под ней скрывается подобие Аполлона. Парень настолько сногшибательно красив, что на мгновение я просто забыла, как разговаривать, дышать и двигаться.

— Тот, кому небезразлично, что такая прекрасная девушка травит себя алкоголем.

— И что ты мне предлагаешь? — С сомнением спросила я, все еще отходя от небольшого шока.

— Ну не знаю, — парень рассеяно пожал плечами. — Я наблюдаю затем, как ты погружаешься в ночь и от этого мне страшно, — он смотрел на меня в упор, не моргая и не дыша. Голос звучал как сталь, царапая меня по коже. — А я привык уничтожать причины, вызывающие во мне столь ничтожные чувства.

От этих слов я вся похолодела. Должно быть это ужасное зрелище, я пьяна и растрепанная, стою как каменная с глазами на пол лица и kloчущим в груди сердцем. А напротив меня непринужденно стоит греческий бог во всем своем обличье.

Как кто-то столь прекрасный и теплый на вид может быть невыносимо холодным внутри?

— Как ты можешь судить? — Сдавленно спросила я, борясь со слезами. От алкогольного опьянения не осталось и следа. — Ты же совершенно не знаешь меня...

— Я сейчас смотрю на тебя, и мне кажется, что я знаю тебя лучше, чем ты можешь себе представить.

Внутри меня нарастала истерика, я сильно закусил губу и во рту появился стальной привкус крови. Его светло-карие глаза гипнотизировали меня, окуная в прошлое. Я уже видела где-то этот взгляд, точеное лицо... Я слышала этот голос...

— Кто ты? — Тихо просила я, подступая ближе, всматриваясь в лицо парня. Он вызывает во мне чувства, которые я испытываю лишь тогда, когда вспоминаю гибель родителей. Страх, боль, отчаяние, бессилие... все это в нем одном, как в том злосчастном дне аварии. И мне как тогда, хочется упасть на колени и выть, пока не потеряю сознание. Или не умру.

Незнакомец молчит, игриво смотря мне в глаза. Я подошла так близко и теперь слышу его учащенное дыхание.

Словно на большом экране кинотеатра в его глазах отражается то, что я уже видела когда-то: безграничное и пасмурное небо, кто-то держит меня на руках, убаюкивая, как младенца. Я помню, как хотела почувствовать хоть что-то, боль во всем теле просто сломала меня. Но с каждым движением ручной колыбели мне становилось легче, боль утихала, возвращались чувства. В поле моего зрения иногда появлялись теплые карие глаза, наполненные непролитыми слезами и губы шепчущие: *«Божe, Эмили, я так тебя люблю...»*.

Я тебя люблю.

Губы шептали это так искренни, с отчаянием, как попавшие в беду люди произносят слова молитвы.

— Это был ты. — Утвердительно сказала я, ожидая какой-нибудь реакции парня, которая подтвердит мои догадки, но выражение его лица не изменилось. — Ты был на месте аварии.

— Какой аварии? — Четко очерченная бровь причудливо изогнулась, придавая лицу парня чарующий вид. Его забава выводила меня из себя, отодвигая назад просящиеся наружу слезы.

— Почти два месяца назад мои родители погибли в аварии, мне чудом удалось спастись, но ты ведь это и так знаешь, да? — Мой голос практически срывался на крик, и люди в баре уже начали оглядываться на нас, заинтересовавшись происходящим. — Я вспомнила тебя.

И тут он улыбнулся мне. Так ярко, просто ослепительно, удивив распаленную меня такой реакцией.

Я ждала, что он покрутит пальцем у виска, скажет что я «ку-ку» и, рассмеявшись, уйдет восвояси, но он делает то, чего я меньше всего ожидаю:

— Да, ты права, — его голос с холодного меняется на бархатно-мягкий. — Это был я.

Глава 2

Через два месяца после того разговора с дочерью меня не стало. Умирала я долго и мучительно, хотя молила Бога о том, чтобы однажды ночью я просто уснула и больше никогда не разомкнула век. Но и тут он не пошел мне на уступки.

Я чувствовала, как жизнь покидала мое тело. Легкие горели огнем, панически требуя воздуха. Эдисон кричала в объятиях отца. Последним, что я увидела, было каменное лицо Алекса, лишенное всяких чувств и красок. Он словно и человеком не был, лишь пустой оболочкой, которую засасывало в черную дыру. Я была той самой черной дырой, которая убивала его душу.

Любовь не поддается логике или объяснениям. Она идеализирует человека, в которого вы влюблены, притупляя образы других, она ограничивает огромный мир до одного человека и всего, что с ним связано.

Я любила. И пусть моя любовь была лишь фантомная, она давала мне силы жить и в какой-то степени радоваться жизни. Я была любима двумя мужчинами. Первый оберегал мою душу и давал силы жить, второй согревал мое тело, скрашивая бесконечную череду дней, которые я проживала в надежде на то, что тот первый рано или поздно ко мне вернется.

На вашем пути могут попадаться замечательные мужчины, но смотря на них, вы будете искать черты того, кто навсегда завоевал ваше сердце. Вы будите сравнивать глаза, смех, поцелуи, прикосновения. Все то, что когда-то до костей вьелось в ваше тело и теперь очень сложно от этого избавиться.

Жизнь терла меня словно наждачной бумагой по тонкой коже, снимая слой за слоем мою прошлую жизнь. Но Кайл всегда в ней оставался. Он сидит так глубоко во мне, что никакая (даже потусторонняя) сила не сможет нас разделить надвое. Так было всегда, даже тогда когда я шла к алтарю, в белом платье к совершенно другому мужчине.

Я научилась заменять любовь уважением, нежностью, преданностью и верой в лучшее. Алекс принял это. Его любви нам с лихвой хватило на обоих.

Не было никакого яркого, манящего света или призрака близкого человека, который

звал бы меня куда-то. Ничего из того, что нам рассказывали о загробной жизни. Мне было дико больно, а потом я просто исчезла.

Как будто бы упав в обморок, а потом, резко очнувшись, я оказалась на кладбище. Тела своего я не чувствовала, как и всего остального: тепла, воздуха, ветра, сердца, жизни.

Слух стал лучше, зрение острее, обоняние усилилось. Вот вроде бы я есть, но одновременно меня нет. Странное и совершенно не передаваемое чувство, я нигде и повсюду одновременно.

В толпе людей с ног до головы одетых в черное я распознала своих друзей и знакомых. Они размеренно и не спеша двигались вглубь кладбища, я последовала за ними. Кто-то из присутствующих сжимал цветы, кто-то носовые платки.

Я знала, для чего они все тут собрались. Мои похороны.

Меня тянуло к собственному телу как магнитом, и на секунду, всего лишь на одно мгновение у меня внутри поселилась надежда на то, что я смогу попасть внутрь и завоевать свое тело заново. Но подойдя к гробу и коснувшись собственной мертвой руки — я прошла сквозь нее. Больше ничего не произошло, лишь магнит ослаб и уже практически не притягивал.

Я не хочу наблюдать за всем этим. Слушать речи людей, которым при жизни было плевать на меня, смотреть на убитые горем лица родных и знать, что никак не смогу их утешить. Отскочив от гроба, я рванула туда, где по логике должен находиться выход и на всей скорости налетела на мужчину, проходя сквозь него. Меня словно водой холодной облили. Там где когда-то было сердце, что-то болезненно сжалось и меня согнуло пополам. Я жадно хватала ртом воздух, пытаясь отдышаться, но, как и сердца легких у меня тоже больше не было. Боль не проходила, а миллиардами ножей кромсала меня изнутри, прижимая к земле.

— Что за черт? — Вырвалось у меня, и я принялась лихорадочно оборачиваться по сторонам, ища глазами мужчину, чью боль я переняла.

Я нашла его моментально, и узнала сразу же, даже не видя лица. Его образ навеки высечен в моей памяти. Кайл.

Он стоял чуть поодаль остальных, сжимая в руках мои любимые цветы. Мне показалось, что я чувствую их аромат, но на самом деле я ничего не чувствовала. И даже не двигалась.

Ари подошла и обняла его за плечи, только сейчас я заметила, насколько сильно она изменилась. Хотя всем казалось, что она будет вечно молодой.

— Наша Эмили, Кайл... — Прочитала Ариадна, обнимая Кайла. — Ее больше нет.

Мне хотелось развернуться и убежать куда-нибудь на Аляску, но я не могла. Это как когда ты наблюдаешь за огромным торнадо, сметающим все на своем пути. Он движется к тебе, а ты стоишь и не можешь сдвинуться с места замороженный прекрасным ужасом, который ураган несет вместе с собой. Кайл всегда был похож на торнадо. Он сносил все, что мешало ему добраться до меня, врвался в мою жизнь и переворачивал ее с ног на голову. Возможно, отчасти именно за это я и любила его.

Священник произнес короткую речь, зачитав строчки из Библии, а потом слово взял Алекс.

Я зла на своего мужа. Внутри меня бурлит такая сильная обида, что даже его горькие слезы не могут это изменить. Я столько лет, шла с ним бок о бок, растила наших детей и старалась быть Алексу хорошей, заботливой женой... И что он сделал взамен? Бросил меня одну, умирающую и слабую. Приходил ко мне два раза в день, а потом, сославшись на какие-

то дела, убежал из дома. Как последний трус. Я не знаю, чем обоснованы его поступки, возможно ему было невыносимо видеть меня такой. Но если он не видит, как я умираю, это не значит, что я останусь жива.

Стоя на пороге смерти, я часто оглядывалась на свое прошлое. Как же я была глупа. Оттолкнула любовь всей своей жизни, чтобы провести жизнь в мыслях о ней. Как жаль, что нельзя вернуться в прошлое и исправить все свои ошибки. Возможно, Кайлу удалось бы намного раньше стать человеком, и сейчас здесь стояли бы наши дети. Но прошлого не вернуть.

Плечи бывшего ангела дрогнули и, не удержавшись, я ринулась к нему. Каждая мускула на его лице превратилась в камень, а прекрасные глаза наполнились слезинками, которые время от времени скатывались по его щекам. Мне так хочется прикоснуться к его лицу, смахнуть слезы и пробежаться пальцами по четко-очерченным, пухлым губам, но я боюсь прикоснуться.

— Мой милый, — прошептала я, хотя мои слова все равно ни кто не услышит. Кайл опустил глаза, пряча от посторонних свои горькие слезы. — Я так мечтала, чтобы у нас с тобой был другой конец. Но если так суждено, то пусть. Только ты живи. Я буду молиться о том, чтобы где-то, там впереди тебя ждала прекрасная женщина, которая будет любить и бороться за тебя гораздо отважнее меня.

Раньше мне всегда казалось, что, не смотря ни на что, нас с Кайлом связывала тонкая серебряная нить, которая вела нас по разным дорогам, но всегда в одном направлении. А сейчас, здесь я чувствую, что ее перерезали. И никакие силы не помогут нам быть вместе. Кажется, в этот раз я действительно навсегда его потеряла.

И не успела я додумать свою мысль, как меня ослепил резкий, яркий свет и я перестала ощущать свое тело.

Апрель 2010 года

На днях мне исполнилось восемнадцать. Если бы в моей жизни не появился Кайл, наверное, я не смогла бы отпраздновать эту замечательную дату. Скорее всего, я бы оказалась рядом с родителями спустя несколько месяцев после их смерти. Мне неприятно об этом думать, но это правда. Жизнь, которой я жила первое время после аварии не вела ни к чему хорошему и я сгубила бы не только свою судьбу, но и Эстер. А она не заслуживает такого.

Я безмерно благодарна Эстер и ее семье за то, что приютили меня и помогли встать на ноги. Этот год был слишком тяжелым и без поддержки близких людей я бы определенно не справилась. Грустно покидать дом, где тебе всегда рады, но надо двигаться вперед.

— Эй, красавица, — засмотревшись на свое уже бывшее жилище, я не заметила, как рядом оказался Кайл. В его руках была здоровенная картонная коробка доверху наполненная моими вещами. Если быть предельно откровенной, я до последнего не хотела брать эти вещи с собой. В новую жизнь надо вступать без печального груза прошлого, но я не осмелилась бросить вещи, напоминающие мне о родителях, в чужом доме.

Кто бы мог подумать, что растрепанность, пот и пыль может придать кому-то столько сексуальности. Но сейчас Кайл еще более привлекательнее, чем обычно.

— Когда у тебя такое печально лицо, создается впечатление, что ты боишься и вот-вот передумаешь.

Ангел улыбается, когда целует меня в щеку, но в глазах таится тревога. Мы нашли себе

квартиру практически в центре города, она не большая, но очень уютная. А самое главное, что мой университет расположен всего в двух кварталах от дома.

Карен уговорила нас подождать, не съезжаться до тех пор, пока мне не стукнет восемнадцать. Я даже не спорила с ней, ведь моя мама попросила бы меня о том же, а для меня забота Миссис Брит очень много значит.

— А может это ты передумал жить со мной? — Шутливо отозвалась я, обвивая руки вокруг его талии, прижимаясь грудью к широкой и влажной спине. Как же замечательно он пахнет... — Готовить я не умею, да и хозяйка из меня ужасная.

— Ты для меня лучшее, что может быть на свете.

— Кайл, когда ты говоришь такие слова, — встав на носочки, я уткнулась носом в его шею. Кайл расслабился в моих объятиях, чуть-чуть запрокинув голову назад. — Мне хочется плакать.

— Тогда ты будешь плакать постоянно. — Рассмеялся парень, разрывая нашу близость и поворачиваясь ко мне лицом. Его руки были свободными, надо же, я и не заметила, как коробка с вещами оказалась на земле. — Потому что я намерен говорить тебе подобные слова всю оставшуюся жизнь.

— И чем же я тебя заслужила?

Он приблизился ко мне, обнимая за талию, мои руки повисли на его плечах. Между нашими лицами так мало расстояния, но мне хочется быть гораздо ближе. Раствориться друг в друге и больше никогда не существовать по отдельности. Только как одно целое и никак иначе.

— И чем же я тебя заслужила? — Из-за широкой улыбки на лице моего любимого появились обворожительные ямочки. Небольшая изюминка, придающая прекрасному лицу еще больше миловидности.

— Тем, что родилась на этот свет.

Глава 3

Через полтора года после нашего расставания мне приснился Кайл. Я до сих пор не знаю, был ли это просто сон или мой ангел все же нарушил свое обещание, никогда меня не тревожить, и пробрался в мои мысли. Да в прочем это и не важно, важно было то, что он мне сказал.

Я очень сильно по нему тосковала (не только тогда, а всегда, в общем). Доходило до того, что я посреди ночи выбиралась из постели, запиралась в ванной комнате и рыдала навзрыд, так же сильно, как матери оплакивают свое погибшее дитя. Что-то съедало мое сердце изнутри, пережевывая снова и снова, вонзаясь острыми зубами раз за разом все глубже и глубже. Кайл не появлялся, как бы сильно я не молила его об этом. Но однажды, он мне приснился.

Мягкий, как туман.

Неуловимый, словно воздух.

Родной, будто бы внутри него билось мое сердце.

— Мне так тебя не хватает, — проскулила я, сжимая в кулак его черную рубашку. Теплая ладонь Кайла запуталась в моих пшеничных волосах, играя с ними как с шелком.

— Я будто бы умираю...

— Ш-ш, — я почувствовала, как он прикоснулся мягкими губами к моему виску. От

этого до абсурда обычного действия, я практически задохнулась. Ноги превратились в вату, и мое тело осело на пол. — Каждый раз, когда тебе становится тоскливо просто закрой глаза и подумай обо мне. Даже если меня не будет рядом, ты все равно будешь чувствовать мое присутствие, прикосновения. Ты будешь чувствовать мою любовь.

С той ночи я всегда так делала. Может это самовнушение или еще какая-нибудь непонятная сила, но я, в самом деле, его чувствовала.

Повсюду люди. От трехлетних детей до практически разваливающихся стариков.

Они одеты во все белое. Сектанты что ли? Вот только этого мне хватало. С похорон в секту, что может быть забавнее?

Все куда-то спешат и толкаются. Меня уносит их потоком, словно течением реки. Я сопротивляюсь, распикивая всех локтями, озираясь по сторонам в поисках выхода, но его нет.

Я словно попала в огромный, человеческий муравейник.

Мы движемся по улице, вдоль зданий, которые просто «уходят» в небо. Сколько же там этажей?

В метре от нас я вижу небольшой переулок, мне только бы добраться до него, вырваться из общего потока и уж тогда я разберусь, что делать дальше.

Я пробиваюсь что есть силы, кого-то двигаю локтями, кому-то прохожусь по босым ногам. Люди чертыхаются, и кричат мне в спину свои негодующие возгласы, но мне не до них. Лишь бы выбраться отсюда. Осталось совсем чуть-чуть. Сделав последний рывок, я вырываюсь из толпы и падаю коленями на асфальт. Я замерла в ожидании волны боли, но ее не было. Поднявшись, я осмотрела свои совершенно целые колени, ни одной царапинки. Ну, хоть какие-то плюсы в смерти есть. Нельзя умереть дважды.

Ведь так?

Впереди по переулку шел какой-то парень в белой майке и таких же белых штанах, очень напоминающих пижаму. Пройди он в таком виде по нашему городу, в лучшем случае его бы забрала полиция, а в худшем — психушка. Парень радостно насвистывал, напоминая мне кое о чем.

Есть что-то знакомое в его походке, осанке, поведении и черной копне волос...

— Дани? — Не веря своим глазам пробормала я, а затем чуть громче крикнула, окликая парня: — Даниэль?

Мне до потери чувств хотелось, чтобы это был он. В этом месте (я не знаю город это или какой-то мир) я, как никогда прежде почувствовала всю силу безнадежного одиночества. Серые стены домов, лишённые красок улицы, однотипная одежда, больше напоминающая тюремную робу, в совокупности все это угнетало, расщепляя на миллиарды песчинок. Одному лишь Богу известно, сколько времени мне придется здесь пробыть. Но... Если ЭТО Рай, то я ужасно разочарована.

Свист стих. Парень замер и медленно повернулся ко мне лицом. Это он, Даниэль Уорнер, собственной персоной. Интуиция меня не подвела.

— Эмили? — Сделав шаг вперед, Дани прищурился, всматриваясь в мое лицо, цепляясь за знакомые черты.

— Привет, — я ринулась к нему, шлепая босыми ногами по колючему, шершавому асфальту, бросаясь Даниэлю на шею. — Поверить не могу, что это и правда ты. Столько лет

прошло...

— Бэмби, — Даниэль обнял меня в ответ, уткнувшись носом в мою шею. — Как же я рад тебя видеть. Жаль, конечно, что ты померла, — съехидничал парень, отрывая меня от земли. — Но я чертовски рад, что каким-то образом ты меня здесь нашла.

— Я тоже рада. — Я разомкнула объятия, отступая от Дани. — Кстати, где мы?

— В междумирье.

— Между что? — Переспросила я.

— Междумирье. — Даниэль взял меня за руку и повел куда-то вдоль переулка. — Мир между Раем и Адом. Сюда попадают души перед тем, как их распределяют.

— То есть, здесь решают кому дорога в Ад, а кому в Рай?

— Так точно, красавица. — Усмехнулся парень. — А еще здесь обитают такие как я. Ангелы и падшие ангелы, которых угораздило окочуриться.

— Но, почему здесь? — От удивления я замерла на месте, Даниэль не сразу заметил мой ступор, успел сделать пару шагов до тех пор, пока наши руки не расцепились. — Есть же Рай? Почему ты не там?

— Все-то тебе надо объяснять... — Дани забавно покачал головой, улыбаясь своей «змеиной» улыбкой и схватив за руку, потащил за собой.

Я закатила глаза, потому что отчасти уже и забыла, что из себя представляет Даниэль Уорнер.

— Я не знаю, разобью ли я своим рассказом, твои розовые очки, Бэмби, — мы прошли мимо двух душ, сидевших на корточках, прислонившись спиной к кирпичной стене и уставившись в одну точку.

Души (женская и мужская) на фоне тех, что я видела ранее, выглядели весьма ужасающе: рваная одежда, всклокоченные волосы, подобие тела покрыто зелеными пятнами. Вот что значит гнилые души.

— У ангелов нет души. Мы есть то, что мы есть, а именно: бездушные, бессмертные создания, созданные для сохранения порядка и равновесия между мирами. Когда наша телесная оболочка превращается в прах, мы перемещаемся сюда.

Кайл никогда не упоминал об этом. Даже словом не обмолвился о том, что у ангелов нет души. Скажи мне об этом он, я бы не знала, как отреагировать. Конечно, это не имеет значения, но отсутствие души, это как-то странно. Разве нет?!

Мы вышли на просторную, безлюдную улицу.

— Странно, здесь нет ни одной души. Все словно... вымерли... — Осматриваясь по сторонам, проговорила я, сжимая большую ладонь Дани.

Он, расхохотался во весь голос, сгибаясь пополам:

— Вымерли? — Сквозь смех, говорил Дани, вытирая выступившие слезы. — Да правда что ли, Эмс?

— Ой. — Спohватилась я, понимая, какую глупость сморозила. Но реакция Даниэля, рассмешила и меня саму. — Я тупица.

— Да, умеешь ты рассмешить.

Мы подошли к одному из тысячи точно таких же зданий, около входа, на стене прикреплена небольшая золотая табличка с изображением «ангельской метки».

— Что это означает? — Спросила я, ткнув пальцем в табличку.

— А, это... — Даниэль приложил ладонь к металлической пластине на двери, раздался щелчок и она открылась. Дани отступил в сторону, пропуская меня внутрь, а затем зашел

следом. — Все дома на этой улице принадлежат бывшим ангелам.

— Дани, — по моей спине побежали мурашки. — А кто живет на остальных улицах? Тут же полным-полно небоскребов.

— Все те, кто дожидается решения суда...

— И как долго приходится ждать? — Если бы у меня было сердце, сейчас оно наверняка бы перестало биться.

— В этом месте нет временных рамок. Сегодня было вчера и будет завтра и послезавтра и после послезавтра и еще миллиарды лет вперед.

— А сколько придётся ждать мне? — Мы зашли в лифт, и я в ступоре уставилась на свое отражение: молодая, стройная, красивая.

— Не знаю, — парень беззаботно пожал плечами, нажимая на кнопку сто первого этажа. — В любом случае тебя вызовут.

Май 2010 года

Ровно месяц назад мы с Кайлом стали жить вместе. Разумеется, мы и до этого фактически жили вместе, просто Миссис Брит не знала об этом. И очень надеюсь, никогда не узнает. Но сейчас не об этом, а о том, что будет сегодня вечером, ведь у меня просто изумительные и горячие планы.

Вся проблема в том, что я плохо (ладно, ужасно, отвратительнее отвратительного) готовлю, а мне хочется удивить своего возлюбленного чем-то особенным.

Я перерыла весь интернет и из самого элементарного, и более или менее приличного выбрала испанское блюдо «Паэлья».¹ Само блюдо просто в приготовлении и испортить его практически невозможно, но я наверняка умудрюсь это сделать.

Как жаль, что я не унаследовала от мамы кулинарных способностей. Она была способна приготовить из обычных продуктов просто произведение кулинарного искусства. Папа частенько шутил, говоря, что влюбился в маму только тогда, когда впервые попробовал курицу, которую мама приготовила по старому семейному рецепту. В тот вечер он сделал ей предложение, несмотря на то, что со дня их знакомства прошло чуть больше месяца. Они прожили в браке двадцать счастливых лет, и их любовь не угасала до последнего вздоха...

С моими «талантами» последний вздох Кайла наступит раньше положенного.

С виду блюдо получилось довольно неплохим, только вот пробовать его я все равно побаиваюсь. Может ну его, от греха подальше? Я еще успею заказать из ресторана что-нибудь более съедобное.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Я дома! — Радостно сказал Кайл, заходя в нашу квартиру, как раз в тот момент, когда я взяла в руки телефонную трубку.

— Черт! — Выругалась я, понимая, что не успела убрать место преступления и заказать нам ужин. — Ты сегодня рано.

— Да, решил вернуться пораньше, — он прошел на кухню и обняв за талию, поцеловал в щеку. — А чем у нас тут так вкусно пахнет?

Кайл выпустил меня из своих объятий, и я поспешила освободить свое новое платье из плена, пропитанного запахом риса, фартука. Пока я боролась с туго завязанными завязками, Кайл уже вовсю возился со сковородой с рисом. Зачерпнув кухонной лопатной приличное количество Паэльи, Кайл принялся дегустировать мое творение.

Я поморщилась, ожидая крики ужаса и отвращения, но мой парень простонал, словно

ему понравилась еда ПРИГОТОВЛЕННАЯ МОИМИ РУКАМИ. Да быть такого не может.

— Ты сама это приготовила? — Удивленно приподняв брови, спросил Кайл, в неверии уставившись на меня.

— Да... — Да ладно, я сама не верю в то, что это съедобно, чего уж винить Кайла за то, что он слишком подозрительный ко всему, что я готовлю. Странно, что я до сих пор его не отравила или не отравилась сама.

— Любимая, — с набитым ртом проговорил ангел. — Теперь ты будешь каждый день готовить это блюдо. Как кстати оно называется?

— Паэлья, — его слова меня рассмешили. Не уверена, что готова проделывать весь этот ритуал с морепродуктами, овощами и курицей каждый день. — Ну, уж нет, если я буду готовить это каждый день, то от нашей кухни, а возможно и от меня совершенно ничего не останется.

Ангел вернул сковороду на плиту и вытер перепачканные руки кухонным полотенцем. Я обошла барную стойку и села на высокий стул, лицом к Кайлу.

— Ладно, это разумно. Тогда, мы будем готовить ее вместе, — широченная «Чеширская» улыбка расплзлась по его лицу, пока ее обладатель не спеша подкрадывался ко мне. — Каждую субботу.

— Новая традиция? — Обхватив его лицо руками, я притягиваю Кайла к себе и нежно целую.

— Да. — Между поцелуями произносит он. — Одна из многих вещей, которые нам всю жизнь предстоит делать вместе.

— Вместе, — шепчу я, стаскивая с Кайла футболку. — Звучит, как обещание...

— Это не обещание, Эмили. Это клятва.

Глава 4

Даниэль привел меня в небольшую квартирку, состоящую из одной квадратной комнаты. Одну из четырех стен занимает большое окно от потолка до пола. Я даже боюсь думать о том, чтобы подойти к нему не то, что сделать это.

В квартире минимум мебели: диван, два кресла и кофейный столик. Ни цветов, ни ламп...

— Я бы сказала, что здесь уютно... — проговорила я, со смешанными чувствами осматривая комнату. — Но здесь совершенно не уютно.

— А чего ты ожидала? — Усмехнулся Даниэль, уголки его губ слегка дрогнули в грустной улыбке. — Кровать королевских размеров? Полный бар спиртных напитков? Бесконечные полки с книгами?

Я присела на краешек дивана, пытаюсь осмыслить колкие слова Уорнера, но они просто не вмещались в моей голове. Здесь в междумирье все кажется таким нормальным и в тоже время чем-то фантастически-необычным... Пробудь я здесь столько, сколько пробыл Дани, то наверняка бы уже сошла сума.

— Не пытайся понять этот мир, — беззаботно сказал Дани, с видом человека, который знает, о чем говорит. — Это еще ни кому не удавалось. Просто существуй... И давай, лучше расскажи мне, как сложилась твоя жизнь, после того как я...

— После того, как тебя не стало? — Даниэль не смог заставить себя произнести слово «погиб», да и стоит ли винить его за это. Сложно признать, что ты умер. Даже такому отважному парню, как Дани.

Кто бы мог подумать, что спустя столько лет, находясь по другую сторону смерти, я буду сидеть с Даниэлем Уорнером и говорить о том, что было после его смерти.

Я никогда не верила в загробную жизнь. Надеялась на нее? Да. Думала, что она и вправду есть? Да никогда в жизни.

И все же, вот она я. Все еще разумно мыслю, помню свое прошлое, но не имею будущего, так же как и тела. Я вижу его, чувствую, но как-то иначе. Если бы из моего тела взяли и удалили все кости, сделав его на значительный порядок легче, я чувствовала себя, наверное, примерно так же. Я как гелиевый шарик на длинной веревочке, стремлюсь в небо, но на земле меня все еще кто-то держит и совершенно не желает отпускать. Вот бы кто взял ножницы и перерезал эту чертову нить. Я бы улетела далеко-далеко и никогда не вернулась.

— Ну, я вышла замуж за Алекса. У нас с ним родились двое замечательных детей: Эдисон и Эйден.

Я замолчала.

— И это все? — Даниэль скривил мину. — А как же твой ангел? Ты его прогнала, и он больше не вернулся? Не боролся за тебя?

— Нет. — Робко ответила я, отчего-то стыдясь за то, что от моей любви так легко отказались.

— Вот идиот, — он потер пальцами глаза. — Дубина. Кто же отказывается от любви?

— Тот, кто слишком сильно любит, сделает все, чтобы спасти свою вторую половину.

— Отказаться от своей второй половины, это не спасение, Эмили. Это трусость. И твой Кайл самый настоящий трус.

Считала ли я его трусом? Нет, я не видела в его поступке слабости или страха. Я не знаю, почему он не боролся за меня, но уверена что на это были свои причины. Просто так он бы не отступил, так же как и я без веской причины не отказалась бы от него. Все что мы когда-либо делали, было во благо друг друга, и никогда во вред.

— Это я трусиха, Дани. — Внутри меня что-то защемило, и я приготовилась сглатывать горькие слезы, но их не было. Машинально я провела ладонью по щекам, вытирая дорожки от слез, которых нет. Я больше не могу плакать. От этого в моей груди образовался тяжелый камень, и я пока еще не знаю, как от него избавиться.

— Мне было страшно остаться и продолжить борьбу за него, — я уставилась на свои дрожащие пальцы, стыдясь посмотреть в глаза своему старому другу. Я боялась, что он не поймет. — Я могла послать Алексея к черту, рассказать все Кайлу и вместе решить, как потупить дальше. Могла, но не стала.

Даниэль наклонился вперед, накрывая своей большой ладонью мои дрожащие руки. Я не почувствовала ни тепла ни холода, просто прикосновение, которое не влекло за собой никаких ощущений. В этом мире все так странно: солнце — мягкое; тело — легкое; окружающий мир — четкий; прикосновение — безвкусное, а внутри душ — пустота.

Не о такой загробной жизни мечтают люди.

— Я словно всю свою жизнь только его и ждала. Будто бы в темнице сидела, а когда Кайл появился, впервые увидела небо. — Я подняла взгляд на Даниэля. Его лицо наполнено печалью и... пониманием.

— Такое в жизни только раз бывает, и я по глупости это упустила. Кайл ушел, и я снова оказалась одна, в своей темнице. И от туда не было выхода. Я все ждала, ждала, что он придет и спасет меня, вытащит из темного плена, но его не было.

Печально улыбнувшись, я освободила свои ладони и резко встав, осмелилась подойти к

окну и посмотреть вдаль.

Мы оба молчали, не зная как продолжить разговор. Но молчание это было мягким, уютным и не отягощающим. В одном этом молчании было намного больше смысла, чем во всех сказанных мной ранее словах.

— Что ты там напеваешь? — Даниэль уже несколько минут бубнит себе под нос какую-то не знакомую мне песню. Сначала это жутко меня злило, потому что отвлекало от мыслей, но теперь моя злость переросла в любопытство.

— Да так, — небрежно ответил Дани, поудобнее устраиваясь на большом диване. Смысл его действий мне не понятен, он ведет себя так, словно вот-вот уснет, но нам обоим известно, что это не грозит ни одному из нас. — Одну старую песню. Она напоминает мне о тебе.

— Обо мне? — Заинтересовалась я. — И чем же?

— Она тебе не понравится...

— Ну, это уж мне решать, — возмутилась я, реагируя на его упорство. — Ты все равно ее поешь, так что давай, еще раз и погромче.

Даниэль тяжело вздохнул и закатил глаза, так как обычно делают школьники, когда родители отправляют их делать домашнее задание, а по телевизору показывают интересный фильм, но все же выполнил мою просьбу.

*Ее родители внезапно умерли,
Она никогда ни в кого не была влюблена,
Никто не понимал ее страхов
И каждую ночь она взывала о помощи.
Она молилась богу, ее так учили,
Но он никогда ей не отвечал.
Ей было холодно, она осталась одна,
Но потом явился падший ангел...*

*Но потом явился падший ангел,
Чтобы исцелить раны в ее сердце...
...в ее разбитом сердце...
Закрыв глаза свои и душу,
Она увидела его доброту и истину —
Она теперь не одна.
Он всегда с ней.²*

Я внимательно слушала песню, ловя каждую строчку — узнавала в ней себя и судьбу, которая была мне уготована. Даже я не смогла бы написать песню, которая бы так правдоподобно описывала все, что я испытывала, пока была и без Кайла и когда наконец-то встретила его.

— Сомневаюсь, что есть песня мрачнее этой, — наконец-то произнесла я, деревянными от трепета губами. — Но, определенно в ней что-то есть.

— Как и в тебе... — Прошептал Даниэль и закрыл глаза, словно уснул. Но он не спал. А я вернулась к простому и унылому пейзажу за окном.

Не знаю, зачем я здесь. Все свои ошибки и грехи я давно осознала. Когда ты прикована

к своей кровати, появляется слишком много свободного времени, которое ты заполняешь размышлениями, воспоминаниями, раскаянием.

Я давным-давно себя за все простила, только вот вымолить прощение у Кайла я так и не успела.

Между делом Даниэль обмолвился, что теперь я могу пробираться в сны к своим близким и общаться с ними. Правда это не всегда получается, но если попрактиковаться, то будет значительно легче. Сам он никогда не пользовался данной привилегией и от чего-то мне кажется, что и я не осмелюсь. Соблазн велик, но цена слишком высока. Мертвые должны оставаться мертвыми. Ни к чему тревожить заживающие раны тех, кто остался в мире живых и теперь «барахтается» по жизни, стараясь двигаться дальше.

— Даниэль?

— Эмили? — Ехидно улыбаясь, проговорил Дани.

— Ты же был ангелом, прожил не один век, но так и не встретил девушку, достойную твоей любви? — Вдруг ни с того ни с сего спросила я, удивившись своему порыву.

— Я встретил ее, но было уже слишком поздно. — Его слова прозвучали как исповедь человека, который смотрит в глаза смерти и знает, что не сможет отвернуться.

И я вдруг поняла, что именно так обычно Даниэль себя и чувствует. Он находится в этом месте уж несколько десятков лет и ни кто не знает, будет ли этому завершение.

Я не была в Аду и не имею малейшего представления о нем, но междумирье очень на него похоже. Обидно когда человек, как ни кто другой, заслуживает счастья, но так его и не получает. Я бы с удовольствием набила морду тому, кто в этом мире распоряжается справедливостью.

Сентябрь 2012 года

Наверное, я впервые столкнулась с чувством под названием «загнана в угол». Сажу себе, мягкой попой на твердом паркете и изредка царапаю стены, пытаюсь убежать от неминуемого. И вроде бы в жизни у нас с Кайлом сейчас все хорошо, но это «сейчас» никогда не перерастет в «вечно».

Глупо задумываться о таких вещах посреди ночи, грустные мысли на долгое время прогоняют сон. А его и так в последнее время очень мало.

Мой любимый умиротворенно сопит на соседней подушке, до уморительно мило выпятив пухлые губы. Мне бы хотелось запечатлеть этот момент в виде фотографии, да только вот Кайл обидится и не будет со мной разговаривать.

Он постоянно твердит, что нельзя фотографировать спящих, так как в этот момент они беззащитны. Кайл не терпит слабости. Единственная слабость, которую он позволил себе иметь — я.

— Ты на меня смотришь. — Недовольно пробубнил ангел, сквозь сон. И как он увидел это, с закрытыми глазами?

— Смотрю, — мягко согласилась я.

— Эмс, — он пошарил в пространстве между нами, в поисках моей ладони, но не нашел. — Ты чего не спишь? Страшный сон?

Скорее страшная реальность...

— Нет. Наверное, это из-за кофе. — Соврала я. — Прости, что разбудила.

— Можешь будить меня каждый раз, когда тебе не спиться.

Кайл медленно и плавно потянулся, вытягиваясь во весь рост вдоль кровати. Сквозь

ночной сумрак я вижу легкую, полусонную улыбку на его губах и от этого мне становится легче.

Повернувшись на спину, он настойчиво потянул меня к себе, укладывая рядом в колыбели из собственных рук. Неважно, что будет дальше, главное сейчас он рядом. М-да уж. Хорошее утешение, но на меня оно почему-то больше не действует.

— Я могу поспать на парах, а кому-то из нас необходимо работать, — мягкое, ритмичное сердцебиение Кайла, эхом раздававшееся внутри его грудной клетки, пленяло мое сердце, заставляя биться в такт. — Ты хочешь, чтобы мы умерли с голоду?

Кайл рассмеялся, крепче стискивая объятия:

— Ты забыла кто твой парень? Я мог бы положить весь мир к твоим ногам, если бы ты только захотела.

— Я знаю.

Мне не нужны деньги, власть, шикарный дом и дорогие вещи. То, что по-настоящему ценно и нужно мне нельзя купить за деньги.

Равенство между нами — было бы великой наградой. Я не смею даже спрашивать о том, может ли ангел стать человеком, потому что никогда не попрошу Кайла об этом.

Глава 5

Время в этом месте совершенно не движется. Солнце зависло высоко в небе, как обычно бывает около полудня и не сместилось ни на миллиметр. Я не верила Кайлу, когда он рассказывал о том, что в их мире нет чувства времени. А оказалось, что так оно и есть.

Моя жизнь здесь — это один бесконечно долгий день.

Единственный плюс моего нахождения здесь — я помню всю свою жизнь так, словно все произошло минуту назад. От первого крика до последнего вздоха, все это здесь, в моей голове, словно из камня высечено. Это завораживает и пугает до ужаса.

Нет сил сидеть в четырех стенах и пялиться в потолок, как я делала это последние полгода, прикованная к собственной кровати. Дочка лишь изредка усаживала меня в инвалидное кресло и вывозила погулять вдоль озера.

Друзья всегда говорили, что дом Вудбери пропитан теплом и уютом. Но от чего-то я не чувствовала этого. Но сейчас я бы многое отдала лишь бы еще разочек посидеть на скамейке у озера. Это единственное место, где я чувствовала себя спокойно.

Я любила проводить время на этой скамейке. Сидеть и мечтать о том, что было бы, если бы мы с Кайлом не расстались. Я представляла, что каким-нибудь образом, неважно каким, Кайлу удалось стать человеком.

Мы поженились и купили крохотный домик в местечке похожем на Ревайвл. Кайл преподавал бы историю в университете, а я растила наших детей и нашла бы себе занятие по душе. Я мечтала об идеальном будущем для нас. О том, чего никогда не получу.

А когда мечты заканчивались, мне становилось противно от самой себя. Ведь я мечтала, чтобы он перестал быть тем, кто он есть... А это не просто не правильно, это не справедливо.

Уже долгое время я брожу по улицам междумирья, но так и не наткнулась ни на один парк. Да что уж парк, даже крохотного деревца или кустика поблизости нет. Лишь бетон и асфальт вокруг.

Даниэль объясняет такой минимализм тем, что таким образом души готовятся к тому,

что в аду будет гораздо хуже, чем здесь. А те, кто попадут в Рай — будут ценить его красоту намного больше, не принимая его как что-то должное. Рай — это награда. Туда просто так ни кто не попадает.

А еще Дани сказал, что в Эдеме пахнет для каждого по-разному, зависимости от предпочтений. Ему, например, всегда мерещился аромат мандаринов и мяты, а Милану запах свежескошенной травы и хвои. Интересно, что почувствую я, когда туда попаду? Если попаду конечно.

Вся та толпа людей, которых я видела ранее, это новые души, которые, как и я в этом мире недавно и еще не знают своего места. В конце центральной улицы расположено огромное здание, в котором распределяют места обитания и время вынесения приговора. Только ни кому не говорят, сколько он будет здесь маяться, лишь наносят на руку какую-то метку, говорят адрес проживания и вызывают следующего.

Как бы я не старалась избежать толкучки, мне все равно придется в нее влезать, чтобы добраться до здания и «встать на учет».

— Эмили? — Я как раз поворачивала в переулок, в котором встретила Даниэля, когда позади меня раздался взволнованный голос мужчины. — Эмили, это ты?

Остановившись, я медленно обернулась. Я даже и представить не могу, сколько знакомых мне людей может находиться в этом месте, включая моих родителей. Но с этим человеком я бы предпочла вообще не встречаться.

Когда в последний раз мы виделись, он разрушил мою жизнь, отняв у меня все, ради чего я держалась на плаву.

— Алексей? — Холодно произнесла я, изо всех сил стараясь не пятиться назад, увеличивая расстояние между нами. — Вы здесь?

— Да, я погиб. Мой сын не рассказывал тебе об этом? — Смущенно опустив глаза, проговорил мужчина, рассматривая асфальт между нами.

Изменения в этом человеке были на лицо: он стал мягче, робее, открытие. Смотря на него, я больше не вижу закрытого и собранного старейшину, я вижу такого же человека, каким была я.

— Мы не общались с тех пор, как расстались в тот день.

— Мне жаль, — искренни ответил Алексей. — Мне бы хотелось, чтобы все было иначе, но эти дурацкие правила. Я думал, что спасаю своему сыну жизнь, а оказалось, я погубил его собственными руками. — Его слова, как бусы, рассыпались по асфальту, отдаваясь в моих ушах звоном битого стекла.

— Кайл вернулся домой, но его сердце и мысли остались рядом с тобой. Мой сын угасал день за днем и я сдался. Эмили, я упорно искал выход из сложившейся ситуации, но началась война. Мне жаль, что так вышло.

Он все говорил и говорил, пока я смотрела куда-то сквозь него, на то, чего совершенно не видела.

Не важно, какие слова произносили его губы, я слышала только одно: *«Прости, что я разрушил ваши жизни»*.

И как бы сильно я не хотела, я не могла его простить. Не ответив ему, я развернулась и побрела вдоль переулочка. Шаги Алексея послышались позади меня. Он шел следом.

— Я знаю, что мне нет прощения, — обреченно обронил он. — Но я искренни сожалею. Ты же мать и должна понимать меня.

И я понимаю...

— Я не злюсь на Вас, — уверенно отвечаю я. — Раньше злилась, а сейчас поняла, что сама виновата.

Я развернулась, чтобы уйти, так как Алексей молчал, затягивая и без того затянувшуюся паузу.

— Постой, у меня есть кое-что, что поможет тебе и Кайлу обрести жизнь, которой вы когда-то лишились.

Заинтересовавшись словами Алексея, я остановилась, ожидая продолжения.

Ноябрь 2020 года

Кайл

Как жаль, что наша жизнь пишется на чистовик. Нельзя отмотать назад и переписать плохие кадры воспоминаний на что-то более стоящее. Или, например, удалить совершенные тобою ошибки, чтобы все было идеально.

Но наша жизнь далеко не идеальна.

Изо дня в день я обдумываю принятое мной решение уйти от тебя и... надеюсь, что что-то изменится. Но ничего не меняется. Я по-прежнему нахожусь там, где должна быть и делаю то, что должна делать: быть образцовой женой и любящей матерью.

Я просто двигаюсь вперед, стараюсь казаться живой, хотя внутри совершенно пустая. Ты забрал все, что было во мне с собой, а мне не осталось ничего, кроме пригоршни воспоминаний и сил для того, чтобы держаться на плаву. Смешно, не правда ли, что какие-то жалкие крохи воспоминаний о тебе гораздо ценнее всей прожитой мной жизни?

На самом деле я знала, что так будет, Кайл. Просто не думала, что будет так невыносимо больно жить без тебя.

Я надеюсь, что ты все еще любишь меня.

Я молю Господа Бога, чтобы ты вернулся.

По-прежнему твоя...

Эмили...

Глава 6

Из темноты, такой темной, словно света в мире вообще не существует, меня выбросило в ярко освещенное помещение. Несколько мгновений я не могла прийти в себя, голова кружилась, и ноги совсем не чувствовались... Помещение похоже на длинный белоснежный коридор, стены которого увешаны картинами.

На них изображены мгновения из моей жизни: мой последний день рождения, который я отметила с родителями; их похороны; встреча с Кайлом; наш первый поцелуй и последнее расставание... Мне невыносимо больно смотреть на все это, воздуха не хватает, в висках стучит. Я побежала в конец коридора, лихорадочно, в панике ища выход, но его нигде было.

— Это не выносимо... — проскулила я, с силой зажмуривая глаза. — Выпустите меня отсюда, умоляю.

Помню, как разговаривала с Алексеем. Мы стояли посреди пустого переулка, я пыталась осмыслить все сказанные им слова. Он произнес: «Ты справишься» и сжал мое плечо. И я вдруг... просто исчезла.

Куда он меня отправил? Что это за место? Я хочу выбраться отсюда.

Раздался легкий щелчок, отпираемой двери и я распахнула глаза.

Словно по волшебству, в тупике коридора появилось очертание двери и небольшая

блестящая ручка.

Я ринулась к ней, и распахнула настежь. Яркий свет ударил мне в глаза, заставляя прищуриться.

— Добро пожаловать в Эдем. — Раздался голос мужчины из моего прошлого. Этот голос сопровождал все мои кошмары, когда я снова и снова переживала день аварии.

— Папа? — Я не сразу привыкла к свету, но глаза вглядывались в яркость, ища родные черты.

— Моя маленькая, — проговорил папа, ступая ко мне. — Мне жаль, что твоя жизнь на земле так рано закончилась, но я так рад тебя видеть.

— Мы рады. — Поправил его женский голос, принадлежавший моей маме.

— Мамочка. — Я и не ожидала, что снова смогу плакать, но прохладные слезы ручейками покатались по щекам.

Мы с ними вечность не виделись, но они совсем не изменились, такие же, как я их запомнила: молодые, счастливые, влюбленные.

* * * * *

— И какой он, твой Кайл? — с любопытством спросила мама, изучая мое лицо мягким, пытливым взглядом. От ее внимания мои щеки залились алой краской.

Какой Кайл? Наверное, я бы сравнила его с природой: он такой же прекрасный и непостижимый.

Он как весенний дождь, смешанный с запахом цветущей сирени — окутывает, одурманивает, влюбляет.

С ним никогда не бывает скучно или страшно. Кайл нигде и одновременно везде. Дарит свою искреннюю любовь, не прося ничего взамен.

Кайл как распахнутое окно или открытая книга: без злого умысла, все на виду.

И только когда я думаю о нем — я чувствую что живу...

— Он удивительный. — Тихо ответила я, смагивая выступившие на глаза слезы.

Мне не нужно было объяснять, мама поняла все по моим глазам.

Кайл тот, кого выбрало мое сердце.

— О, милая. — Она нежно притянула меня к себе, и я, как когда-то в детстве, уткнулась в нее лицом, выпустив горькие слезы на волю.

— Тише, не плачь. — Ее ладонь по-матерински заботливо поглаживала мою голову. Мама пыталась меня успокоить, но выходило иначе, от ее заботы я плакала еще сильнее. — Все самое прекрасное в мире борется за свое существование. Цветы пробиваются сквозь землю, выдерживают ветер, палящее солнце и продолжают радовать своей красотой и нежностью.

— Запомни, дочка, даже после самой темной ночи наступает рассвет, а сильный дождь заканчивается радугой.

Мама взяла мое лицо в свои фарфоровые ладони. Она всегда так делала, чтобы показать насколько сильно она меня любит. Но, я и так это знала.

Никакая любовь к мужчине (каким бы замечательным он не был) не сравнится с любовью матери к своему ребенку.

Март 2025 года

Мне кажется, я схожу сума. Постоянно ищу тебя в толпе, хотя прекрасно знаю, что тебя

нигде нет. Ты сдержал свое обещание, да только вот я не могу. Время идет, а я постоянно о тебе думаю...

Видно не правду говорят, что любовь лечит время и другие люди. Ни то, ни другое не залечило мои раны.

Кайл, я так боюсь забыть, как ты выглядишь. Если ли бы не старые фотографии я бы наверняка не вспомнила черты твоего лица. Человеческая память такая ненадежная штука, стирает воспоминания, какими бы ценными они ни были.

В последнее время по ночам я уже почти не плачу, а вчера наблюдая за тем, как моя дочь с серьезным видом надувает мыльные пузыри, я даже рассмеялась. Представляешь? Рассмеялась звонко и задорно, так, как раньше смеялся ты.

Знаешь, я чувствую тебя рядом, особенно вечерами... Вспоминаю, как ты прижимал меня к себе, скользя губами по обнаженному телу и мне кажется, что это происходит на самом деле, именно в эту минуту, а не почти десять лет назад.

От твоих прикосновений до сих пор горит моя кожа. И когда Алекс прижимая меня к матрасу, шепчет на ухо «я тебя люблю», я отвечаю «я тоже» но только слова эти предназначены не ему, а тебе.

Когда-нибудь Эдисон вырастет, станет взрослой женщиной, способной понять, что такое настоящая любовь, и я расскажу ей нашу историю.

Как жаль, что вы не знакомы. Она замечательная. Эдис полна мягкости и доброты, всегда говорит правду и стремится помочь всем нуждающимся людям. Алекс ругается, думает, что все будут ее использовать. А я верю, что Эдисон сделает этот мир чуточку лучше. Ты бы в нее тоже верил...

Глава 7

Все вокруг кажется таким настоящим, и в тоже время я понимаю, что это лишь сон.

Сон маленькой девочки, безумно похожей на мою дочь.

Мия. Сидит в небольшой песочнице, строя что-то отдаленно напоминающее большую кучу, но скорее всего это творение было задумано, как замок для принцессы.

Легкий ветерок играет с золотистыми кучеряшками, пуская их в пляс.

— Привет, — большие глаза распахнулись со смесью удивления и любопытства. — Как тебя зовут?

— Эмили, — ласково улыбаясь, я подошла к малышке и села около нее. — Ты меня не узнаешь?

— Нет, — она мотнула головкой, разбрасывая волосы по плечам.

— Я твоя бабушка.

— Нет, — хмуро проговорила девчушка, надув губки. — Моя бабушка старенькая и теперь живет на небе.

— Все правильно, звездочка, — мы с Алексом всегда так называли нашу внучку. Мия на самом деле напоминает звезду: маленькая, яркая, обнадеживающая, светлая.

— Я старенькая, но здесь, — я наклонилась к малышке, указывая на ее сердечко. — Я всегда буду той, кем я являюсь на самом деле. Это будет наш секрет.

— Ладно. — С энтузиазмом ответила Мия, любящая все тайное и загадочное.

— Бабушка, мама и папа больше не будут жить вместе? — Она не смотрела на меня, а без особого интереса возилась лопаткой в кучке песка.

Такая маленькая, беззащитная... А уже столкнулась с жестокой реальностью.

— Нет, моя любимая. — я запустила пальцы в ее вьющиеся волосы, поправляя их на место. — Скорее всего, нет.

— Но папа же не плохой?

— Нет. Твой папа хороший человек, просто он немного запутался.

Слезы не утихали, хотя малышка старалась показать, что мои слова ее успокоили.

И меня посетила мысль:

— Хочешь я спою тебе песенку?

— Хочу...

— Только она будет еще одним нашим секретом, и ты не должна ни кому о ней рассказывать. Договорились?

— Да, — закивала Мия. — Да, бабуля, я обещаю...

У меня никогда не было секретов от Кайла, ну за исключением одного. Еще до нашего знакомства, когда мои родители были еще живы, частенько я слышала по ночам, как мужской голос нежно напевает мне одну и ту же песню.

Впервые я услышала ее полностью накануне аварии, а когда встретила с Кайлом в баре, сразу поняла, что это он ее всегда пел.

Мне не хотелось, что бы он знал, что я влюбилась в него еще до нашего официального знакомства. И когда Кайл прижимал к своей груди мое почти бездыханное тело и шептал что любит меня, мне хотелось собраться с силами и сказать что я тоже его люблю... Хоть и ни разу не видела его лица.

В этом нет ничего такого, просто хочется, чтобы эта малость была только моя и ничья больше.

Спи, принцесса моя, спи

Страхи сон твой пускай не тревожат.

Где-то ждет тебя принц в дали.

И любовь, прям как в сказке, может.

И пусть я не герой из книг,

но без остатка в тебе растворился.

Все, что было — поставил на кон.

С неба пал я, но не разбился.

— Мия, я хочу, чтобы ты меня сейчас внимательно выслушала, — девочка смотрела на меня во все глаза. — Не смотря ни на что, даже если папа и мама больше не будут жить вместе, он навсегда останется твоим отцом. Хорошо?

— Угу, — она звонко хлопнула носом, вытирая маленькой ладошкой слезы.

— Вот и славно, — я чмокнула ее в мокрую щеку и Мия заулыбалась. И эта улыбка, проступившая через слезы, словно радуга после сильного дождя, стоила очень многого.

Глава 8

Милан сказал, что Кайл вскоре появится в Эдеме. От этой новости меня бросило в дрожь. Я не знаю чего ожидать от нашей встречи. Столько лет прошло и все могло измениться. Я намеренно не спрашивала у Мила о том, как сложилась жизнь у Кайла. Не уверена, что справлюсь с мыслью о том, что там, в мире живых у него осталась любимая

жена и дети. Это будет означать, что для нас с ним все окончательно закончено и не будет другого шанса.

Мне страшно. А вдруг Кайл, так же как и Алекс просто исчезнет? Ведь моего мужа не было в междумирье, и в Эдеме о нем никто ничего не слышал.

Милан говорит, что подобное случается, это означает, что душа сразу после смерти переселилась в другое тело (умирающего, чья душа уже успела покинуть тело или новорожденного, еще не получившего души) и получает право на новую жизнь.

Спрятавшись в тени странных, экзотических деревьев, я прожигаю взглядом портал между Эдемом и миром живых. Кайла нет...

От волнения мое больное женское воображение начинает рисовать глупые картинки нашего с Кайлом совместного будущего.

В междумирье Алексей рассказал мне о том, как он долгое время искал возможность помочь своему влюбленному сыну и все же нашел способ, но не успел им воспользоваться. В Эдеме есть запрещенное для ангелов место Долина Раэлита, появляться там разрешается только старейшинам и душам, которые уполномочены его охранять. Точнее охраняют они фонтан Раэлитовы Слезы. И для этого есть причина... Вместо воды, в этом фонтане течёт кровь Верховного Ангела Раэлита. Раэлит был последним ангелом, состоящим из крови и плоти, созданного Богом по подобию своему. Правда кровь у таких ангелов была не красная, а голубая, как небо. Выпив эту «кровь» ангел «теряет» крылья и становится человеком. По словам Алексея с душой происходит примерно то же самое. А это означает, что мы с Кайлом сможем вернуться в мир живых, хоть и спустя сотню лет после его гибели.

В том мире не будет наших знакомых и близких, Эдисон и Эйден тоже будут мертвы. Меня утешает лишь тот факт, что мои дети прожили долгую и достойную жизнь, а значит смогу и я.

Подул сильный ветер, теребя подол моего платья и словно луч солнца, прорывающийся среди хмурых туч, в синеве портала появился Кайл.

Таким потерянным, взъерошенным и отчаявшимся я никогда прежде его не видела. Если ему пришлось пройти через «коридор воспоминаний», тогда я вполне понимаю его реакцию. Наверное, и я сама выглядела ничуть не лучше, когда выскочила из этого портала. Представляю, что в тот момент увидели родители в моих глазах.

Так же сильно как когда-то я боялась разлуки с ним, сейчас я боюсь нашего воссоединения.

Кайл повернулся спиной к деревьям, за которыми так удачно спряталась я. Это дало мне мгновение, чтобы собраться с мыслями и решить, что делать дальше.

Как бы мне хотелось забраться в мысли Кайла и понять изменилось ли что-то между нами, потому что я не знаю, как вести себя с ним. Бросится на шею? Осыпать поцелуями? Или просто сказать «здравствуй», словно мы старые знакомые, которые не виделись сотню лет? Кто мы теперь? Двое несчастных, разлученных влюбленных? Или те, кто однажды любили друг друга, а теперь просто двое прохожих?

И прежде чем я успеваю сотню тысяч раз передумать, я выхожу из тени деревьев.

— Ты заставил меня поволноваться, — я старалась говорить радостно, хотя если справлялась с подступившими к горлу слезами. Кайл вздрогнул и замер, я застала его врасплох. Ну, надо же, мой ангел совсем потерял сноровку.

— Я уже начала думать, что ты не придешь.

Он медленно обернулся, встречаясь со мной взглядом. Я видела, как невидимый,

тяжелый груз спал с его плеч и ангел наполнился облегчением. Тревога, волнение и... любовь в его глазах сбили меня с ног своей силой, не спеша, сдерживая эмоции, я продолжала подступать к своему любимому. Я шла к нему, как к дикому зверю, который может пуститься в бегство при малейшем резком движении, а я боялась, что он исчезнет.

— Эмили, — произнес он, едва шевеля губами.

— Кайл, — я старалась подобрать правильные слова, которые обезопасят его от новой боли, но ничего не приходило на ум. Надо было заранее продумать каждое слово, быть готовой к этому разговору. — Что ты помнишь?

— Катарина подсыпала тебе что-то в чай, — с сомнением произнес он, смотря на меня как на полоумную. — Твое сердце перестало биться...

Я рассказала ему все, об аварии, смерти и моем страхе. Кайл сбил столку моим откровением. Не знает, как реагировать на произошедшее, а я не знаю, как реагировать на него самого. Мы стоим, прижавшись друг к другу и каждый из нас в этот момент молиться разным богам.

В кармане моего сарафана небольшим грузом лежат две склянки с голубоватой водой, названия которой я не помню и не уверена, что должна запоминать. Я взяла три, так как не намерена оставлять Даниэля там, где он оказался по моей вине. Не знаю, захочет ли он жизни в роли обычного смертного, но, по крайней мере, я предоставила ему этот выбор. А мама Кайла помогла мне с этим.

Теперь этот выбор есть у нас с Кайлом. Я не знаю, через что ему пришлось пройти и какой промежуток времени разделяет наши смерти. Я не знаю этого, не потому что мне не была интересна его судьба, а потому что я предоставила ему свободу, которой и он когда-то удостоил меня. Кайл не вмешивался в мою жизнь, и я попыталась его забыть. Было честно сделать для него то же самое.

Захочет ли он быть со мной? Разлюбил ли он меня? Помнит ли он, как сильно мы любили друг друга? Надеюсь что да, потому что я это помню.

Отстранившись от него, сделав два небольших шага назад, я увеличиваю расстояние между нами, чтобы хорошенько его изучить, найти в этом «новом» Кайле крупитцы мужчины которого я когда-то оставила (того, кто когда-то оставил меня). Мы сами виноваты в нашем несчастии. Только мы и никто более.

Как это вообще возможно, смотреть на человека и видеть в нем свое прошлое, настоящее и будущее? Вся моя жизнь в глазах одного единственного существа.

В нем совершенно ничего не изменилось. Он такой же, как раньше: прекрасный, яркий, светлый, манящий и мой...

— Я всегда тебя ждала, — тихо произношу я, глядя в его медовые карие глаза, которые моментально теплеют, блестя от слез, радости, неверия в происходящее. — Доходило просто до сумасшествия.

Глаза моего ангела наполнились сочувствием, по лицу видно, что он пытается подобрать слова, но не получается, от того что ни кто из нас еще не пришел в себя от долгожданной встречи.

— Я писала тебе письма, — с моих губ срывается нервный смешок. Я поспешно накрываю их ладонью, чтобы Кайл не увидел, как сильно они дрожат, пытаюсь справиться с подступающими слезами. Не знаю, зачем я говорю ему все это. Наверное, для того, чтобы не молчать. Или для того, чтобы оттянуть момент, когда я наконец-то узнаю, остались ли у него

ко мне чувства.

— Не часто, правда, время от времени. Брала листок и ручку, садилась на скамейку у озера и писала все, о чем хотелось тебе сказать. Все мои мысли, чувства, сожаления выплескивались на бумагу, прятались в плотный конверт и откладывались до лучших времен. Это помогало мне не сойти сума.

Я начала писать эти письма спустя полгода после нашего расставания. Все началось с банальных мелочей вроде первого снега, красивого неба, необычного сна. Спустя пятнадцать лет, убираясь в комнате для шитья, Алекс нашел коробку с письмами и прочел больше половины. Тогда мне казалось, что муж ни за что не простит меня, соберет вещи и подаст на развод, но он лишь посмотрел мне в глаза и сказал: *«А мне казалось, что я сумел сделать тебя счастливой. Как же я ошибался...»*. В его голосе и глазах было столько разочарования и боли. И тогда я впервые почувствовала, что предала не только его, но и всю нашу семью.

Писать я не перестала, правда коробку с письмами перепрятала, и больше ни кто посторонний не видел то, что предназначалось Кайлу. Последнее письмо я написала после того, как узнала, что мои дни на земле сочтены. Именно его моя дочка и передала Кайлу.

— Хотя бы так, но ты всегда был в моей жизни. Это помогало мне помнить, ведь я так боялась снова тебя забыть.

— Эмили, — на одном вздохе, тихо произносит Кайл, и этот шёпот похожий на шелест листвы доносит до меня ветер. — Я так сильно тебя люблю...

Эти слова меня ломают.

Я камнем падаю на траву, приземляясь практически у самых ног Кайла.

Слезы облегчения стекают по моим щекам, даря мне успокоение.

Кайл меня любит.

Я тоже его люблю.

Взяв из кармана две прохладные склянки, я на раскрытой ладони протянула их ангелу.

— Что это? — Прижимая меня к своей груди, спросил Кайл, непонимающе переводя взгляд с меня на ладонь и обратно.

— Ты помнишь, как стал человеком? — Тихо спросила я.

— Конечно.

— Тебе давали выпить эту воду...

— Слезы Разаэля, ангела давшего книгу магии Адаму. — Прервал меня Кайл, рассказывая легенду, которую ранее мне поведал его отец.

— Именно. Только эти... слезы или «кровь», впрочем, неважно... Важно то, что они позволяют не только ангелу стать человеком, но и душе.

Я замолчала. Жду, когда до Кайла дойдет смысл моих слов. Он хмурится, обдумывая услышанное, а затем его лицо резко каменеет, теряя всякую способность на эмоции.

— Ты имеешь в виду... — осекся он, в неверии поглаживая тыльную сторону шеи. — Мы с тобой можем стать людьми?

— Разумеется. — Улыбаясь, произношу я, не сводя с него взгляда. — Если ты этого хочешь.

— Как я могу не хотеть? Это все, чего я когда-либо желал...

ОНА

Жить вечно, это как смотреть в пустоту — со временем надоедает.

Когда ты существуешь более двухсот лет, то перестаешь доверять окружающим.

Все это время я жил и думал, что у людей не существует верности, преданности, любви и чувства долга. Они казались мне инфантильными пустышками, заботящимися только о деньгах, тщеславии и сексе. Но когда я встретил ее — все изменилось.

Она не такая как все, хотя одна из многих. Шла по жизни с душой нараспашку, отдавая встречающимся людям частичку своего безгранично-большого сердца. В ней не было зависти, злобы, эгоистичности. Она любила близких ей людей, и делала все, чтобы сделать их счастливыми. Она была рядом, что делало счастливым и меня.

Она научила меня чувствовать, бороться и верить в то, за что сражаешься.

Кем был Даниэль Уорнер до нее? Падшим ангелом, который наблюдал за хрупким и временным счастьем брата, надеясь на то, что меня никогда не постигнет такая болезнь, как любовь. Отношения ангела и человека ведут лишь к горю. Я наблюдал за этим.

День за днем Хлоя увядала, Милан держался изо всех сил, но я знал его слишком хорошо, чтобы верить безмятежному лицу, скрывающему боль агонии.

Мне было проще быть эгоистом, которому все давалось с легкой руки.

Я отвлекался гонками, алкоголем и своими картинами. Прожигал жизнь, зная, что продлится она слишком долго. Долго и одиноко...

Сложно наблюдать за праздником на чужой улице, а еще сложнее наблюдать, как то, чего ты так сильно желал, достается кому-то другому. Тому, кто не меньше твоего достоин этого.

Однажды я умер за нее, и сделал бы это снова ни капли не пожалев.

Все знают, что я эгоист способный любить лишь себя одного, но ее я любил и это любовь (пусть и не взаимная) сделала меня лучше, показав, что ангелы тоже способны испытывать такое великое чувство, как любовь.

Эмили была для меня теплой, ранней весной, растопившей мое сердце.

После того, как она ушла...

Что-то произошло, и я стал человеком. Мне подарили то, о чем я не просил, но все равно благодарен такому подарку. Теперь у меня есть возможность прожить обычную человеческую жизнь. Надеюсь, я встречу ту, что будет похожа на Эмили и мы сможем сделать друг друга счастливыми.

Но это уже будет совершенно другая история.

Я помню тебя, Эмили Бейли. И сомневаюсь, что смогу когда-нибудь забыть.

Даниэль Уорнер

Больше книг на сайте - Knigolub.net

T here could have been no two hearts so open, no tastes so similar, no feelings so in unison, no countenances so beloved. Now they were as strangers; nay, worse than strangers, for they could never become acquainted. It was a perpetual estrangement.

Jane Austen

Плей-лист:

Lykke Li — Sleeping Alone

Ben Cocks feat. Nikisha Reyes-Pile — So Cold

Ross Copperman — Holding on and Letting go

Ross Copperman — Hunger

T.O.L.D. — Lucifer's Eyes

Damien Rice — Long Long Way
Black Coast feat. M. Maggie — Ride
London Grammar — Devil Inside
Jetta — Feels Like Coming Home
Banks — You Should Know Where I'm Coming From
Raign — Don't Let Me Go
Civil Twilight — Letters From the Sky
Bandit Heart — Don't Let Me Go
30 Seconds To Mars — Hurricane

Заметки

[

←1

]

Паэлья — национальное испанское (валенсийское) блюдо из риса, подкрашенного шафраном, с добавлением оливкового масла. Кроме этого в паэлью могут добавляться морепродукты, овощи, курица. Название происходит от латинского слова patella — «сковорода».

[

←2

]

Blutengel — Lucifer